

САТИРИКОНЪ

1910

еженедѣльное изданіе

№ 19

III ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:
На годъ—6 руб.; на полгода—3 руб.; на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп.
Контора и Редакция журнала „САТИРИКОНЪ“: Спб., Фонтанна № 80. Телеф. 324-62.

8 МАЯ 1910 г.

Новосиб. обл.
научная
библиотека

ПО ПРИМѢРУ БОГОВЪ.

Рис. Ре-Ми.

НОВАЯ ЛЕДА и ЛЕБЕДЬ.

Кованько. — О, мой Лебедь! Если бы мнѣ снести и высидѣть хоть одинъ маленькій монопланчикъ на пользу русскаго воздухоплаванія!..

При этомъ номерѣ прилагается вѣстникъ подписчикамъ проспектъ о „ГЕМАТОГЕНЪ Д-ра ГОММЕЛЯ“.

Новосиб. обл.
научная
библиотека

Среди деревьевъ стриженныхъ
Гуляла дочка Лыжиныхъ
Съ адъютантомъ Барклая.
И шептала онъ, пылая:
«Вѣрите, любовь и въ хижинахъ
Все одна—что и въ куцахъ рая».

Среди деревьевъ стриженныхъ
Внимала дочка Лыжиныхъ
Адъютанту Барклая
И мечтала, внимая:
«Вѣрно. Любовь и въ хижинахъ
Будеть съ нимъ, словно въ куцахъ рая»

Слѣдили за дочкой Лыжиныхъ
Двѣ особы обиженныхъ
Адъютантомъ Барклая
И сказала старуха злая:
«Не вѣрь имъ,—любовь не въ хижинахъ,
А въ приданомъ, милая Рая».

Потемкинъ.

ФИНЛЯНЦАМЪ.

Встаньте, господа, правительство
идеть.

Катковъ.

Правъ захотѣли вы?
Мало ль вамъ благъ!
Это все мелево
Праздныхъ писакъ.
Мы благодѣтельнымъ
Нашимъ крыломъ,—
Небо свидѣтель намъ,—
Всѣхъ опечемъ.
Лишь при оказіи
Сей, господа,
Прочь всѣ фантазіи:
Въ нихъ вся бѣда.
Алаго бантика
Дологъ чередъ...
Встаньте-ка, встаньте-ка:
Дейтрихъ идетъ!

Вл. Лихачевъ.

ОБНОВЛЕННАЯ РУСЬ.

Иностранецъ.—Ну, какъ вамъ, русскимъ, живется при обнов-
ленномъ строѣ?
Русскій.—О! Очень хорошо... Благодарю васъ. Все по старому!..

А. Дм.

А В І А Ц І Я.

I.

Наступаетъ страшное время.
Все, что было въ жизни красиваго, поэтичнаго—
отходить на второй планъ, а на первомъ планѣ снуютъ
и суетятся юркія бѣлыя машины, разрушающія своими
стальными зубами, съ хрустѣньемъ и трескомъ, наши
былые тихіе, мирные восторги и наши прежнія лѣни-
вые, уютныя мысли.

Появился сортъ людей, у которыхъ, вмѣсто
сердца, стучитъ моторъ, а въ жилахъ переливается чи-
стѣйшій бензинъ...

Они летаютъ, они птицы,—но какія то странныя
птицы: если имъ подвернется во время полета прохо-
жій, они, низко пролетая надъ нимъ, прошибутъ ему
пропеллеромъ голову—чего ни одна птица не дѣлаетъ;
и во время полета—у нихъ въ душѣ нѣтъ сладостнаго
птичьяго сознанія свободы, собственной легкости и
увѣренности въ себѣ... Наоборотъ, у нихъ, во все
время полета, трясутся поджилки, они лихорадочно
дергаютъ разныя рукоятки и рычаги, а въ головѣ все
время сидитъ мысль: какъ бы не треснуться со всего
размаха головой о-земь.

Почти никому изъ авіаторовъ не доступны во-
сторги передъ красотой природы и разныя поэтическія
мысли, посѣщающія, зачастую, головы обыкновенныхъ
людей...

Пѣніе соловья оставляетъ авіатора равнодушнымъ,
скачущимъ, а луну онъ называетъ «старой блѣдной

дурой»—потому что при ея свѣтѣ полеты неудобны и затруднительны.

Одинъ авиаторъ на мой вопросъ: «любить ли онъ цвѣты?»—отвѣчалъ:

— Изъ цвѣтовъ я люблю только деревья, а изъ деревьевъ, предпочитаю то дерево, изъ котораго дѣлаются пропеллеры.

Выслушавъ этотъ отвѣтъ, я печально покачалъ головой и подумалъ:

— У него желѣзная голова и моторное сердце въ десять лошадиныхъ силъ.

Однажды, разговарившись съ этимъ авиаторомъ о воздухоплавании, я сказалъ:

— Если вы знаете исторію завоеванія воздуха съ самаго начала, то согласитесь, что первые шаги въ этомъ направленіи были чарующе красивыми и поэтичными.

— Сантосъ-Дюмонъ?—спросилъ онъ.

— Что вы?! Гораздо раньше.

— Братъ Монгольфье?

— Еще раньше! Слыхивали ли вы когда нибудь объ Икарѣ—сынѣ Дедала?

— Не слыхивалъ. Бельгіецъ?

— Кой чертъ! Грекъ. Форменный, типичный грекъ.

Онъ открылъ свой энергичный, сверкающій хищными зубами ротъ, и зѣвнулъ.

— Чѣмъ же онъ увлекался? Сферическими шарами? Или чѣмъ нибудь тяжелѣе воздуха?

Я подумалъ.

— Если хотите, то его попытка была тяжелѣе воздуха. Вотъ что извѣстно объ этомъ: юный Икаръ, сынъ Дедала вздумалъ подобно могучимъ легкимъ птицамъ взлетѣть высоко въ воздухъ къ самому солнцу...

И я въ короткихъ словахъ рассказалъ притихшему задумавшемуся авиатору красивую, полную поэзии и смысла, исторію Икаровой попытки.

Онъ выслушалъ, ничего не возразилъ, повернулся и ушелъ.

II.

На другой день мнѣ удалось слышать разговоръ между этимъ авиаторомъ и другимъ, который въ то время, покуривая трубку, возился въ ангарѣ съ какими то проволоками на своемъ монопланѣ.

— Слышалъ ты исторію объ Икарѣ? — скептически поджимая губы, спросилъ мой знакомый авиаторъ.

— Нѣтъ. Англичанинъ?

— Грекъ. Вздоръ, признаться, страшнѣйшій. Мнѣ прямо стыдно было слушать.

— А въ чемъ дѣло?

— Видишь ли... У одного грека былъ сынишка—Икаръ по имени. Парень, нужно сказать правду—недалекій, вбалмошный и безтолковый. Однажды пришла ему въ голову благая мысль: долетѣть до солнца.

Второй авиаторъ вынулъ изо рта трубку, отложилъ свои проволоки и сказалъ:

— Да какъ же онъ могъ бы долетѣть до солнца? Вздоръ! Вѣдь, не говоря о томъ, что препятствіемъ является громадное безвоздушное пространство—ему пришлось бы летѣть нѣсколько тысячъ лѣтъ! Считаю максимумъ человѣческой жизни сто лѣтъ...

— Постой! Самое курьезное дальше. Задумавъ летѣть, этотъ крѣпколюбый юнецъ явился къ отцу и заявилъ: «папаша, хочу полетѣть! Ссудите меня деньгами на перья и воскъ». Ха-ха! И тотъ — старый осель—вмѣсто того, чтобы выпороть мальчишку, представъ себѣ—даетъ ему то и другое.

— Да для чего же ему были перья и воскъ?

— Ты лопнешь со смѣху! Ни болѣе, ни менѣе, какъ для того, чтобы слѣпить себѣ крылья и съ помощью ихъ, подняться на воздухъ?

— А чѣмъ же онъ думалъ приводить въ движеніе крылья? И какой они были величины? Вѣдь плотность сопротивленія воздуху...

— Ничего подобнаго! Это все, очевидно, было для него китайской грамотой... Онъ, съ упрямствомъ, которымъ такъ отличаются люди бездарные малоосмысленные,—склеилъ себѣ крылья, привязалъ ихъ къ рукамъ и, взгромоздившись на какую то скалу, скакнулъ въ воздухъ...

Оба тяжело вздохнули.

— Умно! А чего же смотрѣла полиція? Отецъ почему не выбилъ изъ его головы этой дури?

— Вотъ спроси ихъ! Но самое нелѣпое то, что, по свидѣтельству очевидцевъ, онъ таки немного взлетѣлъ вверхъ, да только воскъ, которымъ были прикрѣплены перья, отъ жары растаялъ и крылья осыпались. Парнишка и шмякнулся на землю!

Разсказчикъ умолкъ, а второй авиаторъ сатирически прищурилъ одинъ зоркій глазъ и спросилъ:

— И ты вѣришь этой чепуховинѣ?

— Я? Ни на минутку! Это могъ измыслить только какой нибудь бѣлогорячный пьяница послѣ десятой бутылки... Безъ мотора?!.. Взлетѣть?!..

И оба авиатора, присѣвъ на корточки у крыльевъ неподвижнаго моноплана, залились долгимъ насмѣшливымъ хохотомъ.

Я слышалъ все это и—чуть не зарыдалъ.

Что они сдѣлали съ этой прекрасной, полной глубокаго внутренняго смысла и красоты легендой? Во что она превратилась въ этихъ устахъ, сомкнутыхъ скептическихъ и суровыхъ?

И долго хохотали эти живые на диво сработанные механизмы, и правильно, безъ перебоевъ, стучали ихъ моторы-сердца, а въ жилахъ холодной размѣренной струей переливался бензинъ...

— Прощай, бѣдный, прекрасный Икаръ!

Медуза-Горгона.

ТРИ ПОСЛОВИЦЫ.

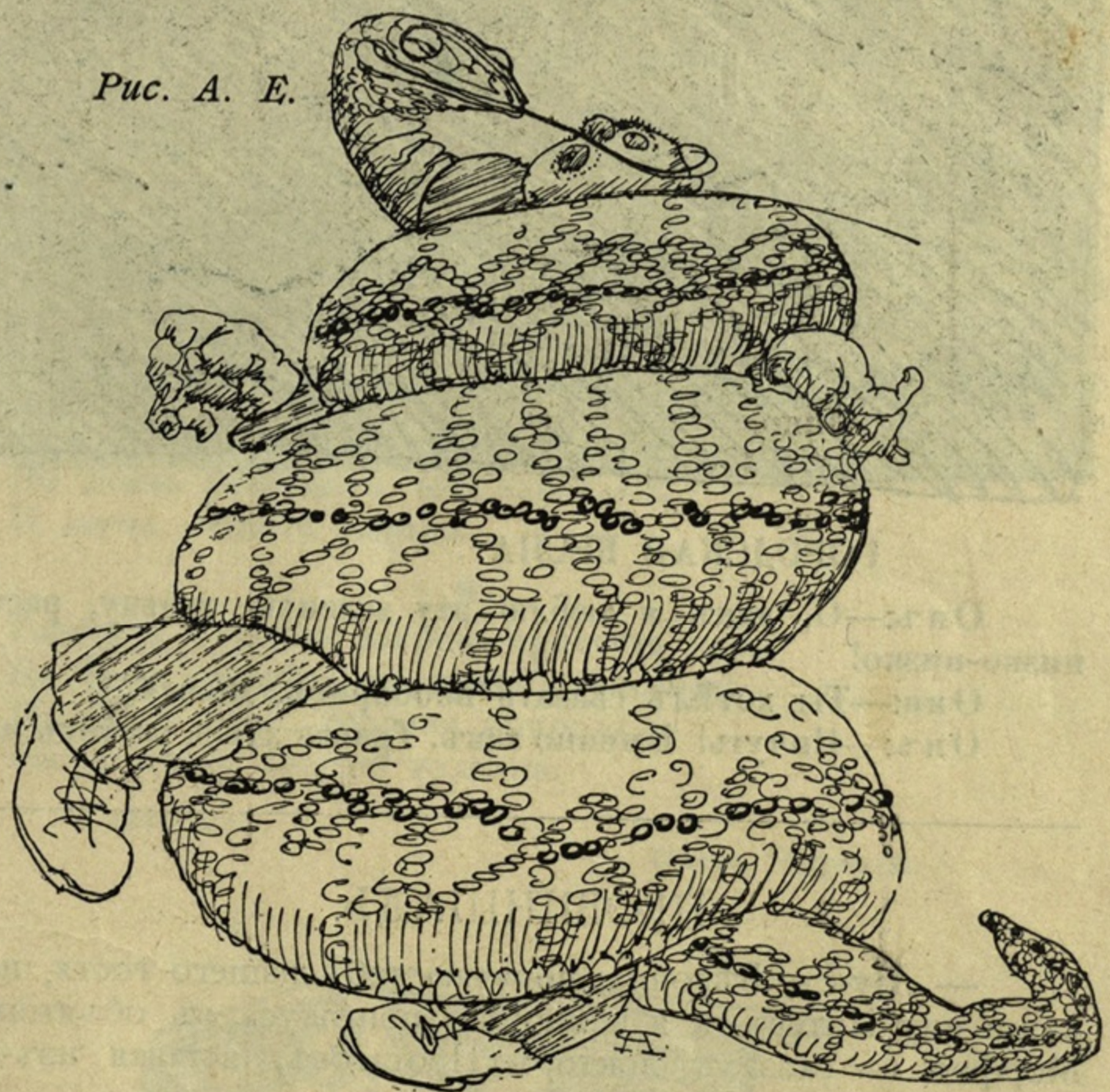
Не зная броду, лѣзь въ воду и ищи его.

Живи смиреннѣй—будешь битъ сильнѣй.

Кто старое помянетъ, того историкомъ назовутъ.

А. Дм

Рис. А. Е.

ЧЕРВЯЧЕКЪ.

Путешественникъ (въ объятіяхъ удава):

— Я былъ бы не прочь сейчасъ заморить этого червячка!..

ГОРОДСКАЯ ВЕСНА.

Онъ:—О, какъ я люблю эту зеленую травку, растущую высоко-высоко, и это ясное солнышко, сіяющее здѣсь низко-низко!

Она:—Ты хотѣлъ сказать наоборотъ, милый?

Онъ:—Ничуть! Именно такъ. Травка здѣсь растетъ на крышѣ стараго дома, а солнце блеститъ въ лужахъ, около насъ.

ПРОВИНЦІАЛЪ.

—...Ну-съ, Вѣрочка, поручаю тебѣ нашего гостя, покажи ему Питеръ, а я немножко понѣжусь въ объятіяхъ Морфея! — сказалъ докторъ Протасовъ, вставая изъ-за стола.

— Съ удовольствіемъ! — согласилась Вѣра Павловна. Шимскій, гость Протасовыхъ, поклонился:

— Просвѣтите провинціала!

Едва они вышли изъ дому, Вѣра Павловна обратила вниманіе Шимскаго на отдѣленіе булочной Филиппова.

— Здѣсь, Михаилъ Петровичъ, имѣются горячіе пирожки; мои любимые—съ абрикосами... съ творогомъ также я люблю, но не особенно!.. А вотъ, визави, молочная Сумакова... видите?

— Какже, вижу,—отвѣтилъ Шимскій и подумалъ: къ чему мнѣ это знать?

— Подумайте,—продолжала Протасова—фунтъ сливочнаго масла—60 копѣекъ!.. Стоитъ, знаете, пойти не самой, а послать прислугу—непремѣнно дадутъ горькое масло.

— Да-а!—равнодушно протянулъ Шимскій.

— А вонъ тамъ—магазинъ обуви... Если купить го-

товую и мѣсяца не проносить, а на заказъ—отличная обувь: износу нѣтъ!.. купишь: штиблеты въ Гостиномъ — подошвы чуть не бумажныя!.. Леночкѣ купила я разъ въ Апраксиномъ—мозоли натерло... Ужасно грубая обувь!..

— Нѣтъ-ли тутъ поблизости памятниковъ интересныхъ?—перебилъ ее Шимскій.

— Есть... есть!.. А вотъ у этого швейцара... здѣсь въ домѣ меблированныя комнаты... я покупаю, когда почта и лавочки закрыты, почтовые марки... Это мое открытіе!.. Трамвай 3-й номеръ... фонари—красный и зеленый: Новая Деревня—Балтійскій вокзалъ. Когда мнѣ нужно на Сѣнную площадь!.. Тамъ у насъ рынокъ... Знаете, въ хозяйствѣ имѣетъ большое значеніе покупка жизненныхъ припасовъ на рынокѣ, а не въ мелочныхъ лавкахъ!.. Да, за пятачекъ я на Сѣнной!

— Такъ!—сказалъ Шимскій, подергивая угломъ рта.

— ...Тарифныхъ участковъ на этой линіи—четыре: Новая Деревня—Суворовская площадь, уголъ Камен...

— Въ трамвай тутъ не легко попасть!—умышленно перебилъ ее Шимскій.

— Ахъ, и не говорите!.. У меня, въ давнѣ у вагона, (это было въ прошломъ году на Рождествѣ) выгнали изъ сумки шесть рублей восемьдесятъ восемь копѣекъ!.. Какъ теперь помню: двѣ трехрублевки, одна совѣмъ мятая, а другая новехонькая,—еще шуршала подъ пальцами!.. два полтинника... остальное мелкимъ серебромъ и мѣдью!..

— Угу!—промычалъ Шимскій.

— Здѣсь, то-есть не здѣсь, а немножко дальше... Противъ церкви, я въ прошломъ году встрѣтила Илью Федоровича... Вы его знаете?

— Нѣтъ, не знаю!

— Очень милый человекъ! Онъ чиновникомъ особыхъ порученій при какой-то фирмѣ... Илья Федоровичъ Никитинъ... Ахъ! Видите, позади церкви скверъ?.. Такъ въ этомъ скверѣ моя Надя однажды разбила себѣ голову о какую-то тумбочку...

Въ груди Михаила Петровича зарождалось мрачное чувство къ своей спутницѣ... и даже къ маленькой Надѣ.

— Здѣсь даютъ въ разсрочку платяжа... Не успеешь выплатить, а платяжъ ужъ въ дыркахъ...

— Мнѣ говорили о какихъ-то интересныхъ конныхъ группахъ на одномъ изъ мостовъ, я хотѣлъ-бы... — началъ Шимскій.

— Это на Аничковомъ... Тутъ вотъ отдѣленіе ломбарда,—сказала Вѣра Павловна.

— Я ничего не собираюсь закладывать!—довольно рѣзко замѣтилъ Шимскій.

— Я и не предлагаю вамъ!—въ тонъ ему откликнулась Вѣра Павловна.—Я только хотѣла обратить ваше вниманіе на...—она собиралась сказать: на высокіе проценты, взимаемые ломбардомъ, но сказала:—архитектуру этого дома.

— Самая казарменная архитектура!—пожалъ плечами Шимскій.

Вѣра Павловна уловила это движеніе, и, зардѣвшись, предложила вернуться домой.

— Володя ждетъ насъ къ чаю!

— Что это, батюшка, у васъ такое недовольное лицо?..—встрѣтилъ Шимскаго Протасовъ,—разочаровались въ своихъ представленіяхъ о красотахъ столицы?.. Какъ вамъ понравилась Нева?.. Не видѣли?!... Что-жъ ты, Вѣрочка!

— Михаилу Петровичу не нравится архитектура столицы,—сказала Вѣра Павловна.

Шимскій посмотрѣлъ въ уголъ.

— Погодите, послѣ чаю я пойду съ вами, Михаилъ Петровичъ, ужъ я вамъ покажу, какія у насъ зданія!..

Послѣ чаю Шимскій заторопилъ Протасова.

— Идемте, Владимиръ Николаевичъ... сегодняшній день я хочу посвятить осмотру наружныхъ Питерскихъ красотъ, а завтра пойду по музеямъ.

— Здѣсь вотъ,—указалъ Протасовъ, когда они очутились на улицѣ,—можно кушать горячіе пирожки...

— Знаю, знаю,—нервно перебилъ его Шимскій—Вѣра Павловна очень любитъ съ абрикосами и не очень—съ творогомъ.

— Ахъ, вы уже знаете?!—съ сожалѣніемъ сказалъ Протасовъ и, какъ бы въ утѣшеніе гостю, добавилъ: а я люблю съ грибами...—Вы кого это ищете?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что Шимскій оглядывается по сторонамъ.

— Такъ... Показалось, что знакомый прошелъ...

— Здѣсь вотъ я всегда покупаю папиросы... Хотя иногда, (это, правда, рѣдко) покупаю и вотъ тамъ!—вернулся Протасовъ спиной къ Шимскому.

Этимъ моментомъ воспользовался Шимскій, чтобы,

незамѣтно для своего чичероне вскочить въ мимо-проходившій автобусъ.

— ...Бѣда съ этими провинціалами!—говорилъ женѣ Протасовъ.—Двухъ шаговъ не могутъ сдѣлать въ столицѣ, чтобы не отбиться!.. Поди, блуждаетъ теперь... Ха-ха-ха!

— Гдѣ жъ ты его потерялъ?—спросила Вѣра Павловна.

— Да тутъ, близко!.. Показывалъ я ему табачный магазинъ, гдѣ я покупаю папиросы... Смотрю—его и нѣтъ!.. Я туда-сюда—нѣтъ! Ну, думаю, не вернется же мнѣ безъ конца на одномъ мѣстѣ! Плюнулъ и пошелъ домой.

— Боже!—ахнула жена.—Что то онъ теперь одинъ дѣлаетъ, бѣдненькій!

Исидоръ Гуревичъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

II.

СУМЕРКИ.

Въ небѣ полоски дешевыхъ чернилъ
Со снятымъ молокомъ вперемежку.
Песъ завалился въ пустую телѣжку
И спитъ. Дай, Господи, силъ.

*

Черви на темныхъ березахъ висятъ
И колышатъ устало хвостами.
Мошки и тѣни дрожатъ надъ кустами.
Какъ живописень вечерній мой садъ!

*

Сврымъ верблюдомъ стала изба.
Стекла, какъ очи тифознаго сфинкса.
Съ видомъ съ Марса упавшаго принца
Потъ непріятія злобно стираю со лба...

*

Кто-то порывисто дышитъ въ сарайную щель.
Большая корова, а, можетъ быть, лѣвшій?
Лужи блестятъ, какъ старцевъ-покойниковъ пѣвши.
Апрѣль? Неужели же это апрѣль?!

*

Вкругъ огорода пьяный, беззубый заборъ.
Тамъ, гдѣ закатъ,—узкая ниточка желчи.
Страхъ все растеть, гигантскій, дикій и волчій...
Въ темной душѣ запутанный темный узоръ.

*

Умерли люди, скворцы и скоты.
Воскреснутъ-ли утромъ для криковъ и жвачки?
Хочется стать у крыльца на карачки
И завывать въ глухонѣмые кусты...

*

Разбудишь деревню, молчи! Прибѣгутъ
Съ соломой въ патлахъ изъ избъ печенѣги,
Спросонья воткнуть въ тебя вилы съ разбѣга
И триста разъ повернуть...

*

Чернымъ верблюдомъ стала изба.
А въ комнатѣ пусто, а въ комнатѣ гулко.
Но лампа разбудитъ всѣ закоулки,
И легче станетъ борьба.

*

Газетной бумагой закрою пропасть окна.
Не буду смотрѣть на грязь небосвода!
Извините меня, дорогая природа,—
Сварю яицъ, заварю толокна.

Заозерье.

Саша Черный.

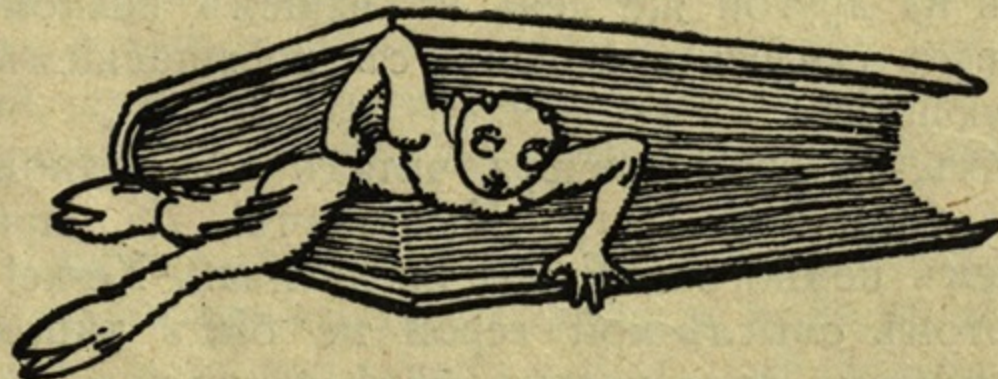

Рис. А. Яковлева.

ВЫРОЖДЕНИЕ.

Новый Сатиръ:—Боюсь, collega, что вашъ голосъ будетъ звучать въ гостинныхъ слишкомъ рѣзко!..

* * *

Онъ поклялся въ строгомъ храмѣ
Передъ статуей Мадонны,
Что онъ будетъ вѣренъ дамѣ,
Той, чьи взоры непреклонны.

И, забывъ о тайномъ бракѣ
Всюду ласки расточая,
Ночью былъ зарѣзанъ въ дракѣ—
И пришелъ къ преддверьямъ рая.

— «Ты ль въ моемъ не клялся храмѣ»,
Прозвучала рѣчь Мадонны,
«Что ты будешь вѣренъ дамѣ,
Той, чьи взоры непреклонны?»

«Отойди, не эти жатвы
Собираетъ Царь Всевышній,—
Кто нарушилъ слово клятвы,
Въ царствѣ Божіемъ тотъ лишній».

Но, печальный и упрямый
Онъ упалъ къ ногамъ Мадонны:
— «Я нигдѣ не встрѣтилъ дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

Н. Гумилевъ.

ОДИНОКІЙ ГРЖИМБА.

I.

Тотъ человѣкъ, о которомъ я хочу написать—не былъ типомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ немъ не было такихъ чертъ, которыя вы бы могли встрѣтить и разглядѣть на другой же день въ вашемъ знакомомъ или даже въ васъ самомъ и потомъ, съ восхищеніемъ сказать присутствующимъ:

— Ахъ, знаете, я вчера читалъ объ одномъ человѣкѣ—это типичный Петръ Ивановичъ! Да, признаться, есть въ немъ немного и Егора Васильича... Хе-хе!

Въ этомъ смыслѣ мой герой не былъ типомъ. Онъ былъ совершенно оригиналенъ, болѣзненно новъ, а, можетъ быть,—чрезвычайно, ужасающе старъ.

Мнѣ онъ представлялся удивительнымъ осколкомъ какого нибудь распространеннаго нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ типа, нынѣ вымершаго, исчезнушаго окончательно, за исключеніемъ этого самаго Гржимбы, о которомъ рѣчь идетъ сейчасъ. Вездѣ, гдѣ появлялся Гржимба, онъ производилъ впечатлѣніе страннаго допотопнаго чудовища, чудомъ сохранившаго жизнь и дыханіе подъ многовѣковымъ слоемъ земли, и теперь выползшаго на свѣтъ Божій дивить и пугать суевѣрный православный народъ.

И еще—я находилъ его похожимъ на слона-одиночку. Африканскіе охотники рассказываютъ, что иногда отъ слоновьяго стада отбивается отдѣльный слонъ. Онъ быстро дичаетъ, мрачнѣетъ, становится страшно злымъ, безразсудно свирѣпымъ и жестокимъ. Бродитъ всегда одинокій, а если встрѣчается со слоновьимъ стадомъ, то вступаетъ въ драку, и его, обыкновенно, убиваютъ.

Гржимба былъ похожъ на такого слона.

Моя нянька сказала о Гржимбѣ другое.

Когда она немного ознакомилась съ нимъ, то всплеснула морщинистыми руками, заплакала и воскликнула:

— Что же это такое! Бѣдненькій... Ходитъ, какъ неприкаянный.

Нянька, да я—мы были единственными людьми, которые почему то жалѣли дикаго, загадочнаго «неприкаяннаго» Гржимбу.

А, вообще—его всѣ считали страшнымъ человѣкомъ.

II.

Когда мнѣ было 10 лѣтъ—мать моя держала гостиницу и меблированныя комнаты въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ на берегу широкой рѣки.

Однажды мы сидѣли за утреннимъ чаемъ и занимались рассказываньемъ другъ другу сновидѣній, пригрезившихся намъ въ эту ночь.

Мать, какъ женщина прямая, честная, рассказывала то, что видѣла въ дѣйствительности: ей грезилась «почему то лодка», и въ этой лодкѣ сидѣли наши сосѣди Хомутовы «почему то» всѣ въ маленькихъ-маленькихъ платочкахъ... и «почему то» они говорили: «идите къ намъ!»

Я слушалъ мать лѣниво, разсѣянно, придумывая въ это время себѣ сонъ поэффектнѣе, позабористѣе, чтобы совершенно затмить простодушныя маменькины лодочки и платочки.

— А мнѣ снилось,—густымъ голосомъ прогудѣлъ я, раскачивая головой, отъ чего моя физиономія, отражаясь въ самоварѣ, кривлялась и ненатурально удлинялась,—мнѣ снилось, будто бы ко мнѣ забрались двѣнадцать индѣйцевъ и схватили меня, чтобы оскальпировать. Но я—не дуракъ—схватилъ глобусъ, да глобусомъ ихъ. Ого! Убѣжали да еще томогавки забыли.

Я помолчалъ немного и равнодушно добавилъ:

— Потомъ слона видѣлъ. Онъ что то оралъ и хоботомъ пожралъ всѣхъ нашихъ жильцовъ.

Мать только что собралась изумиться красочности и разнообразію моихъ грезъ, какъ на парадныхъ дверяхъ прозвенѣлъ рѣзкій звонокъ.

— Пойди, открой,—сказала мать.—Я швейцара услала.

Я вскочилъ, помчался, издавая громкіе, пронзительные, но совершенно безцѣльные крики, подбѣжалъ къ стекляннымъ дверямъ и... остановился въ изумленіи: за ними было совершенно темно, будто бы неожиданно вернулась ночь.

Машинально я повернулъ ключъ и дверь распахнулась. Послышалось урчанье, проклятіе, и на линіи гори-

зонта моихъ глазъ я увидѣлъ два нечеловѣческихъ, чудовищно толстыхъ колѣна. Мнѣ пришлось сильно задрать голову, чтобы увидѣть громадный, необъятныхъ размѣровъ животъ, вздымавшійся, опадавшій и опять раздувавшійся, будто бы въ немъ ходили какія то внутреннія волны.

Мнѣ нужно было отбѣжать на десятокъ шаговъ, чтобы увидѣть этого человѣка во весь ростъ. Въ то время онъ показался мнѣ высотой въ пять-шесть аршинъ, но послѣ я узналъ, что онъ былъ трехаршинного роста. Гора-животъ переходила въ гору-грудь, которая заканчивалась громадной шеей. А на шеѣ сидѣла небольшая голова съ круглыми, красными щеками, обкусанными усами и маленькими злыми глазками, которые свирѣпо прыгали во все стороны. Голову покрывалъ поношенный цилиндръ, и—что меня поразило больше всего—цилиндръ держался на головѣ съ помощью черной ленты, проходившей подъ подбородкомъ. Точь-въ-точь, какъ пожилая дама завязываютъ лентами старомодныя шляпки.

— Мальчишка,—хриплымъ, усталымъ голосомъ небрежно уронилъ удивительный незнакомецъ.—Есть вино?

— Не знаю...—растерялся я.—Спрошу у мамы.

Я побѣжалъ къ матери, а когда мы съ ней вернулись, то нашли его уже въ гостинной, сидящимъ на диванѣ, со скрещенными на животѣ руками, ходившими ходуномъ вмѣстѣ съ животомъ, и разставленными далеко другъ отъ друга огромными ножищами въ пыльныхъ растрескавшихся сапогахъ.

— Что вамъ угодно?—спросила мать, и по ея тону было видно, что она переугана насмерть.

— Стаканъ вина.

— У насъ вино внизу... Гдѣ общая столовая. Впрочемъ... (незнакомецъ въ это время сердито заурчалъ)... пойдѣ внизъ, принеси имъ стаканъ вина.

Я принесъ бутылку бѣлаго вина и стаканъ.

Стараясь не подходить къ посѣтителю близко, я издали протянулъ руки на сколько могъ, именно такимъ образомъ, какъ въ звѣринцѣ кормятъ страшныхъ слоновъ.

Гигантъ взялъ бутылку и стаканъ. Стаканъ внимательно осмотрѣлъ, сунулъ въ карманъ рыжаго сюртука, а изъ бутылки вынулъ зубами пробку, выплюнулъ ее и сейчасъ же перелилъ содержимое бутылки въ свою страшную пасть.

Я въ это время смотрѣлъ на его животъ: замѣтно было, что онъ оттопырился еще больше.

Посѣтитель презрительно осмотрѣлъ пустую бутылку, сунулъ ее въ карманъ (потомъ оказалось, что онъ это дѣлалъ со всякимъ предметомъ, приковывавшемъ его вниманіе) и отрывисто спросилъ:

— Жить можно?

— Вы хотите сказать есть ли комнаты?—робко спросила мать.—Да, есть.

— Гдѣ?

— Пожалуйте, я покажу.

Мы пошли странной процессіей: впереди катился крохотный, какъ горошина, я, за мной маленькая мать, а сзади колоссальная, стукавшаяся обо всѣ притолоки своимъ цилиндромъ, туша незнакомца.

— Вотъ комната,—сказала мать, поворачивая ключъ въ дверяхъ.

Незнакомецъ прорычалъ что то, выдернулъ ключъ, быстро вскочилъ въ комнату, и мы немедленно услышали звукъ повернутаго изнутри ключа.

— Вотъ тебѣ разъ,—только и нашлась сказать моя бѣдная мать.

III.

Когда пришелъ швейцаръ и проснулись нѣкоторые квартиранты, мы рассказали имъ о нашемъ новомъ страшномъ жильцѣ. Всѣ были потрясены тѣми подробностями, на которыя я не поскупился, и тѣми слезами, на которыя не поскупилась мать.

Потомъ пошли на цыпочкахъ слушать, что дѣлается въ комнатѣ чудовища.

Оттуда доносилось заглушенное ворчаніе, проклятій и стукъ падавшихъ стульевъ, будто бы жилецъ былъ чѣмъ то недоволенъ.

Неожиданно ключъ въ замкѣ повернулся, дверь приоткрылась и мы всѣ въ ужасѣ отпрянули. Въ самомъ верху образовавшейся щели на головокружательной, какъ мнѣ казалось, высотѣ, появилась голова, сверкавшая злыми глазенками, и хриплый голосъ проревѣлъ:

— Эй!! Горячей воды и полотенца! Чего вы, анафемскіе выродки, собрались смотрѣть на меня? Людей не видѣли, что ли?

Голова скрылась и дверь захлопнулась.

Слуга понесъ ему воду и полотенца, и потомъ, когда

мы собрались въ столовой, рассказалъ страшныя вещи: жилецъ сидѣлъ въ углу, въ полной темнотѣ и проклиналъ всѣхъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, жалуясь на свою уродливость, толщину и тяжелую жизнь..

При появленіи слуги, онъ схватилъ его за руку, толкнулъ отъ дверей, а дверь снова заперлъ на ключъ. Велъ онъ со слугой длинный разговоръ, главнымъ образомъ, о ѣдѣ, спрашивалъ много ли даютъ кушаній и можно ли здѣсь получить «настоящія порціи»? Во время разговора безпрестанно мочилъ горячей водой полотенце и выжималъ его на лицо и шею, перемежая это занятіе отборной руганью. Потомъ свернулъ полотенце въ жгутъ и сталъ бить имъ по столу, въ тактъ длиннѣйшему разговору о жаренной баранинѣ и картофелѣ съ хлѣбомъ.

— Я очень боялся,—озираясь, говорилъ намъ слуга.—Чтобы онъ не хватилъ меня по головѣ мокрымъ полотенцемъ. Тутъ бы изъ меня и духъ вонъ!..

Обѣдъ принесъ матери новыя огорченія.

Неизвѣстный потребовалъ себѣ въ комнату двойную порцію, а когда ему налили громадную чашку щей и дали восемь котлетъ, онъ потребовалъ еще столько же, жалуясь, что это «не настоящая порція».

Дали ему еще.

А черезъ часъ онъ прокрался въ столовую, гдѣ какъ разъ никого въ то время не было,—и утащилъ къ себѣ телячью ногу и два бѣлыхъ хлѣба.

Обглоданную ногу я нашелъ въ тотъ же вечеръ, лежащей въ корридорѣ, около дверей этого человѣка.

Съ большимъ трудомъ удалось взять у него для прописки паспортъ: онъ не хотѣлъ пускать слугу въ комнату, отчаянно ругался и рычалъ, какъ медвѣдь.

По паспорту онъ оказался дворяниномъ Иваномъ Гржимба и послѣ паспорта показался намъ еще таинственнѣе и ужаснѣе.

Ночью я долго не могъ уснуть, раздумывая о невѣдомомъ, неизвѣстно откуда пришедшемъ Гржимбѣ и о его страшной судьбѣ. Ужасало меня то, что въ немъ не замѣчалось ничего человѣческаго, ничего уютно-обыкновеннаго, что было въ каждомъ изъ насъ... Онъ не смѣялся, не плакалъ, не разговаривалъ ни о чемъ, кромѣ ѣды, и, мнѣ казалось, что много лѣтъ онъ уже такъ бродитъ съ мѣста на мѣсто, оторвавшійся слонъ отъ семьи другихъ слоновъ, не понимаемый никѣмъ и самъ ничего не понимающій. Сейчасъ, среди ночи онъ представлялся мнѣ сидящимъ въ углу своей запертой комнаты и жалующимся самому себѣ на свою страшную судьбу.

— Зачѣмъ онъ обтираетъ шею мокрымъ горячимъ полотенцемъ?—пришло мнѣ въ голову.—Для чего это?

Я зналъ, что бѣлыхъ медвѣдей въ звѣринцахъ, чтобы они не издохли, обливаютъ холодной водой, и, незадумываясь, объяснилъ себѣ такимъ же образомъ и поведеніе Гржимбы.

— А вдругъ,—подумалъ я.—Горячая вода остынетъ и Гржимба умретъ?

Мнѣ было жаль его. Нянька тоже жалѣла его.

«Неприкаянный»... Это вѣрно, что неприкаянный. Что то онъ теперь дѣлаетъ?

А Гржимба какъ разъ въ это время стоялъ у дверей дѣтской и грозилъ мнѣ кулакомъ.

Я былъ увѣренъ, что это сонъ, но оказалось, что поведеніе Гржимбы было явью. Послѣ мы выяснили, что Гржимба ночью бродилъ по комнатамъ и отыскивалъ съѣстное. Жильцы слышали его тяжелое хриплое дыханье въ корридорѣ, а утромъ мать не досчиталась въ маленькой буфетной—двухъ коробокъ сардинъ и банки варенья.

Коробки изъ подъ сардинъ мы нашли въ корридорѣ у его дверей. Очевидно, ключей для коробокъ у него не было, и онъ просто голыми пальцами разломилъ толстыя жестяныя коробки.

IV.

Прошло три дня. Мать все время ходила, мокрая отъ слезъ, потому что часть жильцовъ выѣхала, боясь за себя, а Гржимба не только не платилъ денегъ, но прямо раззорялъ коммерческое предпріятіе матери.

Днемъ онъ съѣдалъ почти все, что было заготовлено въ кухнѣ, а ночью, когда всѣ спали, бродилъ вездѣ одинокій, чуждый, непонятный, бормоча что то подъ носъ, и отыскивалъ съѣстное. Къ утру въ домѣ не было ни крошки.

На четвертый день мать по категорическому требованію оставшихся жильцовъ, заявила полиціи о происшедшемъ, и въ тотъ же вечеръ я былъ свидѣтелемъ страшной сцены: явилась полиція—бравая, безстрашная русская по-

лиция и застала она дикаго, слоноподобнаго жильца врасплохъ. Онъ былъ одинокъ и безоруженъ, а полицейскихъ съ дворниками собралось десять человекъ, не считая окологороднаго.

Къ Гржимбѣ постучали.

— Къ черту!—заревѣлъ онъ.

— Отворите,—сказалъ окологородный.

— Кто тамъ? Ко всѣмъ чертямъ. Прошибу голову!

Откушу пальцы! Проткну кулакомъ животы!

— Это я,—сказалъ окологородный.— Корридорный.

Принесъ вамъ кой-чего поужинать.

За дверью послышалось урчанье, брань — и ключъ повернулся въ дверяхъ.

Два дюжихъ городскихъ налегли на дверь, одинъ просунулъ въ щель носокъ сапога, и вся ватага съ шумомъ вкатилась въ комнату.

Въ комнатѣ царил абсолютная темнота, а изъ одного угла за столомъ слышался страшный ревъ и проклятіе, отъ которыхъ дрожали стекла.

Черный гигантъ отломилъ кусокъ желѣзной кровати и свирѣпо размахивалъ имъ, рыча, сверкая въ темнотѣ маленькими глазками.

— Бери его, ребята, — скомандовалъ окологородный.

Городовой подлѣзъ подъ столъ, схватилъ громаднаго, какъ бревна, ноги и дернулъ... Гржимба пошатнулся, а въ это время сзади, съ боковъ обхватили его нѣсколько дюжихъ рукъ и повалили на сломанную кровать. Онъ вырвался и еще долго сопротивлялся съ глупымъ мужествомъ человека, не разсуждающаго, что организованной силѣ, все равно, придется покориться.

Когда его связали и вывели, комната имѣла такой видъ, будто бы въ ней взорвалась бомба. Мы, столпившись въ углу, съ ужасомъ смотрѣли на этого страннаго никому не понятнаго человека, а онъ рычалъ, отплевывался и, вздергивая головой, поправлялъ сползавшій цилиндръ, поломанный и грязный, державшійся на той же широкой черной лентѣ.

— Что же съ нимъ дѣлать?—спросилъ старшій городской окологороднаго.

— Въ Харьковъ!—рявкнулъ Гржимба.

— Что—въ Харьковъ?

— Въ Харьковъ! Отправьте! Туда хочу!

И его увели, — эту тяжелую пытящую гору, окруженную малорослыми побѣдившими его пигмеями-городовыми.

Въ ту ночь мы съ нянькой много плакали.

Я представлялъ себѣ громаднаго вѣчно голоднаго Гржимбу безъ папы, безъ мамы, безъ ласки—бѣднаго нахальнаго Гржимбу, который насильно влѣдряется въ разные дома а его ловятъ, вытаскиваютъ оттуда, причемъ, онъ безуспѣшно пытается сопротивляться, и потомъ его высылаютъ въ другой городъ какъ тяжелаго никому ненужнаго слона... И такъ, бродить изъ города въ городъ одинокой Гржимба—таинственный, осколокъ чего-то, непонятнаго намъ,—того, что можетъ быть, было нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ.

Откуда Гржимба? Гдѣ онъ одичалъ?

Нянька тоже плакала.

Аркадій Аверченко.

МНИТЕЛЬНОСТЬ.

— Безъ разгону никакое настоящее дѣло не дѣлается!..

— При чемъ здѣсь Государственная Дума?

В.

БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

I.

Морское министерство одной страны внесло въ парламентъ ходатайство объ ассигнованіи нѣсколькихъ милліоновъ на постройку броненосцевъ.

Парламентъ этой страны отказалъ.

Тогда морское министерство вышеозначенной страны все таки приступило къ постройкѣ броненосцевъ.

II.

Изъ разговора двухъ еврейскихъ братьевъ-мальчугановъ:

— Ой! Ты кушаешь это яблоко?!

— Да.

— Папа же не позволилъ кушать это яблоко!

— Ну, такъ что?

— Ой! Такъ какъ же ты его взялъ?

— Я спрашивался у папы.

— Что же онъ—позволил?

— Нѣтъ, онъ не позволилъ. (Пауза). Такъ плевать я на него хотѣлъ!

Констатируетъ: Волкъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ «САТИРИКОНА».

Присланныя въ редакцію рукописи не возвращаются (даже при условіи присылки марки на отвѣтъ).

А. Петербургъ.

88. Вознесенскій пр. 37. Ин—цу.—Нѣтъ. «Ея пути» не могутъ «быть усыяны цвѣтами и виномъ». Зарубите себѣ это на носу, на томъ самомъ, съ которымъ вы, по уничтоженіи вашей рукописи, остаетесь.

89. Мѣщанская—Фикити.—Просто не подошло.

Б. Провинція.

90. Одесса—Номо.—Въ самомъ началѣ разсказа у васъ попадаетъ такая фраза:

— «Мендель Файнбергъ имѣлъ торговлю, пріятенькую жену, двухъ сынковъ-гимназистовъ и репетитора къ нимъ».

Что это за «репетиторъ къ нимъ»? Такъ только покупаютъ граммофоны:

— «Граммофоны и пластинки къ нимъ».

Преслабая вещь.

91. Пульчинъ—Саибу.—Саибъ умоляетъ, чтобы мы, вмѣсто холоднаго, жестокаго—«нѣтъ», въ почтовомъ ящикѣ, сказали бы ласковое лучезарное «да».

Мы всегда идемъ навстрѣчу вѣжливымъ просьбамъ.

Получайте ваше ласковое, лучезарное «да»:

— Да, уничтожено.

Аве.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: М. Г. Корнфельдъ.

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА „САТИРИКОНЪ“ ПРИСТУПАЕТЪ КЪ ИЗДАНІЮ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ АМЕРИКАНСКАГО ЮМОРИСТА

МАРКА ТВЕНА

ВЪ НОВЫХЪ ПЕРЕВОДАХЪ СЪ ПОДЛИННИКА.

(ИМЕНА ПЕРЕВОДЧИКОВЪ, ЦѢНА ИЗДАНІЯ И КОЛИЧЕСТВО ТОМОВЪ БУДУТЪ ОБЪЯВЛЕНЫ ВЪ БЛИЖАЙШЕМЪ БУДУЩЕМЪ).

Отъ редакціи.— Хотя имя знаменитаго американскаго юмориста пользуется среди русскихъ читателей исключительной популярностью, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ въ Россіи не появлялось полнаго собранія сочиненій Марка Твена въ хорошихъ литературныхъ переводахъ. Русскій читатель знакомился съ Твенемъ или по случайнымъ, носившимъ характеръ разрозненности переводнымъ книжкамъ или даже по отдѣльнымъ разсказамъ, безсистемно и эпизодически появлявшимся въ журналахъ и газетахъ. При этомъ, въ большинствѣ случаевъ, переводы заставляли желать лучшаго, будучи наскорю сдѣланными, неряшливыми и не передававшими духа чудеснаго языка великаго юмориста—одной изъ главныхъ сторонъ Твеновскаго творчества.

Редакція «Сатирикона», приступая къ изданію новаго полнаго собранія сочиненій Марка Твена, приложить всѣ усилія, чтобы дать читателю, по возможности, образцовые переводы безъ пропусковъ и искаженій, тщательно и добросовѣстно проредактированное.

Настоящее изданіе является первымъ въ ряду другихъ изданій—произведеній популярныхъ юмористовъ,—предположенныхъ къ выпуску редакціей «Сатирикона» что по мысли издателя должно, въ концѣ концовъ, составить оригинальную и исчерпывающую все достойное вниманія «Веселую бібліотеку „Сатирикона“».

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА «САТИРИКОНЪ».

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

ГИМНЪ ВЕСНЪ.

Воспоемъ весну согласнымъ хоромъ.
На три мѣсяца туманъ и снѣгъ исчезъ!
О! смотри, жена, предъ нашимъ взоромъ.
Совершилось чудо изъ чудесъ!

Далеко въ Крыму—цвѣтъ моря ярко-синій,
Далеко въ Крыму—подъ солнцемъ все горитъ,
Далеко въ Крыму—цвѣтутъ сады глициній...
Но и нашъ подвалъ весною не забыть.

Лукъ расцвѣлъ!... въ душѣ весны тревога...
Лука цвѣтъ такъ изумрудно чистъ!
О, скажи, жена, скажи мнѣ, ради Бога,
Кто весной въ душѣ не пантеистъ?!

Въ этотъ часъ одно намъ только мило,
Въ этотъ часъ одно мы только ждемъ,
Чтобъ тебя, великое свѣтило,
Не закрылъ прохожій сапогомъ.

Кто не будетъ страстно, въ странномъ гимнѣ
День и ночь одно лишь повторять:
— О! весна, скорѣ помоги мнѣ
Всю любовь весеннюю узнать!

Въ миньютурѣ держитъ море Вася,
И фауну кроткая жена.
И, собой подвалъ нашъ темный крася,
Лукъ цвѣтетъ—цвѣтокъ людского дна.

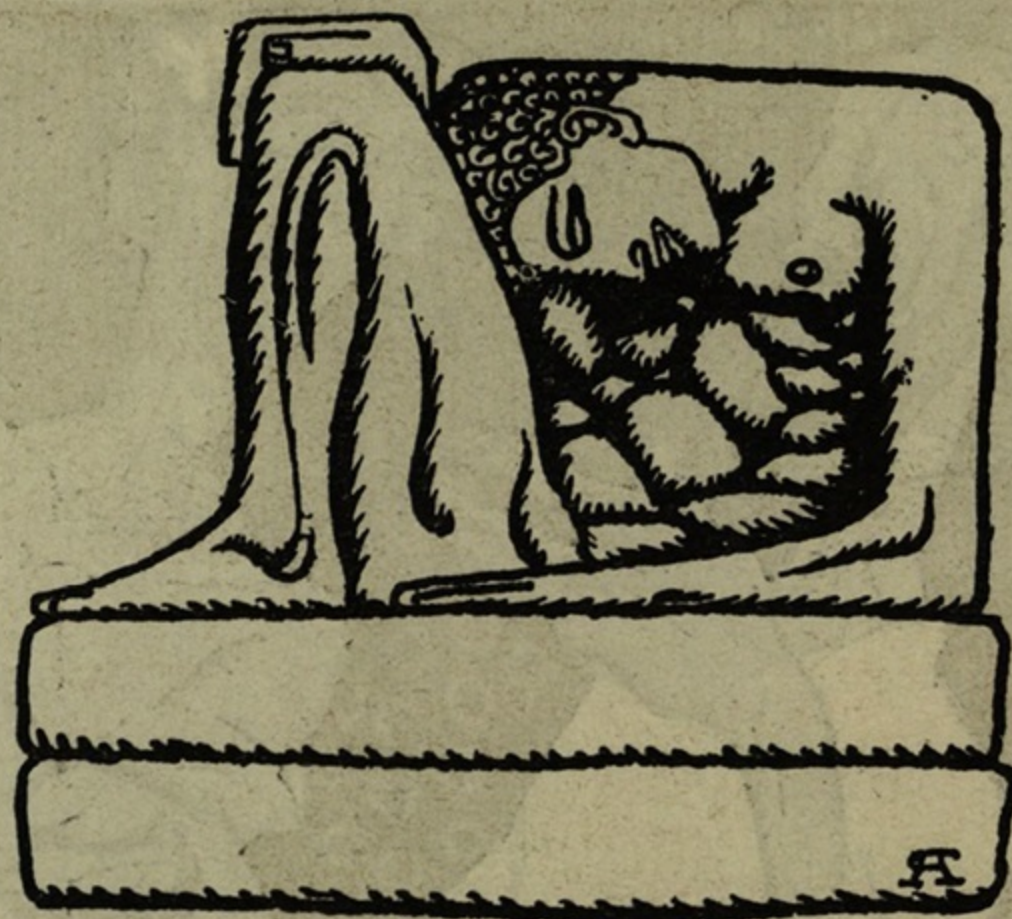
Солнце вѣчное, тамъ гдѣ то за домами
Ты свершаешь свой великій путь.
Солнце вѣчное! дрожащими лучами
Не забудь къ намъ вечеромъ взглянуть.

А. Ра—овъ.

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛѢ ОТКРЫЛАСЬ
ВЪ МОСКВѢ, МЯСНИЦКАЯ, 24
ВЫСТАВКА РИСунковъ, КАРРИКАТУРЪ
И ШАРЖЕЙ ХУДОЖНИКОВЪ ЖУРНАЛА

Сатирикон'

Л. С. Бакста, Александра Бенуа, И. Я. Билибина, Миссъ, Бѣлобородова, М. В. Добужинскаго, Дм. Митрохина, В. Н. Невскаго, А. А. Радакова, Н. В. Ремизова, (Ре-ми), О. Шарлемань, А. А. Юнгера, А. Е. Яковлева.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

Сатирикон' 52

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

№№ роскошно
иллюстриро-
ванныхъ, въ
краскахъ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ, ВЪ ВИДѢ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ, РОСКОШНО
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“

ОБРАБОТАННАЯ «САТИРИКОНОМЪ», ПОДЪ УГЛОМЪ ЕГО ЗРѢНІЯ, — ПОДЪ РЕД. А. Т. АВЕРЧЕНКО.

«ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ» будетъ представлять собой большой томъ, художественно отпечатанный на хорошей бумагѣ, съ массой иллюстрацій лучшихъ русскихъ художниковъ-карикатуристовъ.

Хотя наша «Всеобщая исторія» и не будетъ рекомендована Ученымъ Комитетомъ, состоящ. при м-вѣ народн. просвѣщ., — какъ руководство для учебныхъ заведеній, но эта книга дастъ подписчикамъ единственный случай взглянуть на историческое прошлое народовъ — въ совершенно новомъ и вполне оригинальномъ освѣщеніи.

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Олафъ Гульбрансонъ (Мюнхенъ), М. Добужинскій, Б. Кустодіевъ, Е. Лансере, Миссъ, Дм. Митрохинъ, В. Невскій А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), О. Шарлемань, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и другіе.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Аве), А. Азовъ, К. Антиповъ (А. Зарницынъ), Александръ Блокъ, И. М. Василевскій (не Буква), Л. М. Василевскій, Б. Вилли, Яковъ Годинъ, Сергій Горный, Сергій Городецкій (Сатиръ), И. Гуревичъ, Осипъ Дымовъ, А. Измайловъ, В. Князевъ, Красный, М. Кузминъ, А. Кугель (Номо Новус), А. И. Купринъ, В. Лихачевъ, С. Маршакъ, О. Л. Д'Орль, Иванъ Кузьм. Прутковъ, Потемкинъ, А. Радаковъ, Саша Черный, Александръ Рославлевъ, Скиталецъ (Яковлевъ), В. Сладкопѣвцевъ, графъ Алексій Толстой, Тэффи, Георгій Чулковъ, Н. Шебуевъ, Умановъ-Каплуновскій, Н. И. Фалѣевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Яблоновскій и другіе.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ **6** руб., на полгода **3** руб., на 3 мѣс. **1** руб. **50** коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала «САТИРИКОНЪ» (С.-Петербургъ, Фонтанка, 80) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и провинціи.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ 40 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛИ ВЪ 1/4 СТРАНИЦЫ.

ЦѢНА ОТДѢЛНАГО № 10 КОП. ВЪ ПРОВИНЦІИ 12 КОП.

ОТДѢЛЕНИЕ ДЛЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ ВЪ ПРОВИНЦІИ:

Москва—Шведчиковъ. Одесса—Бороховъ. Варшава—Е. А. Морозовъ. Ново-Вилейскъ—Горсковъ. Томскъ—Т-во «Новое Дѣло. Рига—К. И. Бирсгалъ. Саратовъ—П. Ф. Панинъ. Ялта—Ивановъ. Иркутскъ—Т. Д. Хохаевъ. Кутаисъ—Квицаридзе. Таганрогъ—Г. С. Половикъ. Владивостокъ—Аг. «Полюза». Черниговъ—М. Н. Кранцъ. Юрьевъ—Ф. Д. Любликъ. Харбинъ—Ш. Т. Щелоковъ. Благовѣщенскъ—Н. С. Смертинъ.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ № 324-62.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Новая книга Константина Подоводскаго Новая книга
„ВЕРШИННЫЕ ОГНИ“

Стихотвор. томъ IV.—Цѣна 1 руб.
Складъ изданія: Москва, кн. магаз. „Сотрудникъ Провинціи“.
М. Бронная.

Книгоиздательство „ПАПИРУСЪ“ СПБ.
новая книга:
Леонидъ Алинъ. Осенняя Сказка
Изящн. изд. Ц. 1 р. Тип. «Сиріусъ».

СОВЕРШ. БЕЗПЛАТНО
высыл. всѣмъ же-
лающ. каталогъ
Д. Кинкманъ и К^о.
Спб., Гороховая 17.

О перемѣнѣ адреса подписчиковъ журнала

Сатирикон'

При перемѣнѣ адреса необходимо прислать прежній бандерольный адресъ, безъ чего перемѣна адреса очень затруднительна.

За перемѣну адреса взимается:

съ иногородняго на городской или съ городского на иногородній—50 коп., съ городского на городской—25 к. и съ иногородняго на иногородній—25 коп.

ДЛЯ МАТЕРИ И РЕБЕНКА

Предостереженіе! Требуите настоятельно имя Д-ра ГОММЕЛЯ.

лучшее укрѣпляющее средство
Гематогенъ
Д-ра ГОММЕЛЯ.

Продано болѣе двухъ милліоновъ банокъ

Продано болѣе двухъ милліоновъ банокъ

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ

МИГРЕНЬ, НЕВРАЛГІЯ

проходятъ при употребленіи новаго препарата

„ВЕГЕТАНЪ“ магистра фармаціи И. ФРИЗЕРА.

Средство это абсолютно безвредно даже для лицъ, страдающихъ порокомъ сердца. и не употребляйте при головной боли ампи- пирина, пирамидона, фенацетина и друг. **БЕРЕГИТЕ ВАШЕ СЕРДЦЕ** при головной боли употребляйте исключительно

„ВЕГЕТАНЪ“ — самое безвредное средство. Цѣна коробки въ 24 лепешки 1 руб. 50 коп.

Пересылка по почт. тарифу. Высл. наложен. платеж. изъ главнаго склада:

Т-во Медицинскихъ препаратовъ, С.-Петербургъ, Невскій пр., 110.— 22

ZEISS
БИНОКЛИ
ДЛЯ ОХОТЫ, СПОРТА И ПУТЕШЕСТВІЯ.
Большое поле зрѣнія.
Большая свѣтосила.
Проспекты Т. 73.
Высылаются бесплатно.
КАРЛЬ ЦЕЙССЪ,
С.-Петербургъ, Казанская, 2.
и въ оптическихъ и фотографическихъ магазинахъ.

НОВАЯ КНИГА
„БЫСТРОЕ ИЗЛѢЧЕНІЕ“
триппера, сифилиса и полового безсидія
Лечебникъ секретныхъ болѣзней д-ра
мед. В. Тарновича. Масса рисунковъ
и РЕЦЕПТЫ лекарствъ. Цѣна съ пер.
1 р. 25 к. (марками), нал. плат. 1 р 50 к.
С.-Петербургъ; Невскій, 108,
Т-во „Основа“

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
2-ое ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ:
СКРИПИЧНАЯ ТЕХНИКА
и ея развитіе въ школѣ проф. Л. С. АУЭРА.
Съ предисловіемъ проф. Ауэра
къ 1-му изданію.
Составилъ И. ЛЕСМАНЪ.
цѣна 1 руб.
Желающихъ получить книжку франко
по почтѣ—просятъ выслать по адресу
автора одинъ рубль (можно марками):
Кабинетская 20, кв. 12.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
на ежедневную политическую газету

5-й годъ изданія **РЪЧЬ** 5-й годъ изданія

издаваемую въ С.-Петербургѣ В. Д. Набоковымъ и И. И. Петрункевичемъ при ближайшемъ участіи П. Н. Милюкова и И. В. Гессена и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

Особое вниманіе обращено на отдѣлъ извѣстій изъ провинцій. (имѣется болѣе ста корреспондентовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи: на годъ—12 р.—к. на 9 м.—9 р.—к. на 6 м.—6 р.—к. на 5 м.—5 р. 10 к. 4 м.—4 р. 15 к. 3 м.—3 р. 15 к. 2 м.—2 р. 15 к. 1 мѣс. 1 ру. 10 к. За границу: на годъ—20 р.—к. 9 м.—15 р. 75 к. 6 м.—11 „—, 5 м.—9 р. 50 к. 4 м.—7 р. 75 к. 3 м.—6 р. „—, 2 м.—4 р. „—, 1 м.—2 р.

Льготная подписка (при непосредств. обращеніи въ главную контору):
1) Для сельскихъ священниковъ, учителей, крестьянъ, рабочихъ, фельдшеровъ, приказчиковъ, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к.
2) Служащимъ въ правит., обществен. и торгово-промыш. учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ казначеевъ и дѣлопроизвод. — 10% скидки.
3) Книгопродавцамъ, кіоскамъ, агентамъ и др. посредникамъ по приему подписки—5% скидки.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб. Ул. Жуковскаго 21. №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія высылаются бесплатно.

СЕРЬЕЗНОЕ ДОБРОСОВѢСТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ. ОБРАТИТЕ НА НЕГО ВНИМАНИЕ.
ЕСЛИ ВАШЪ

ЖЕЛУДОК

плохо варить, если Вы страдаете катарромъ, ЗАПОРАМИ, геморроемъ, вздутіемъ живота, тошнотой, изжогой, ГОЛОВН. БОЛЯМИ, если Вашъ организмъ истощенъ, ослабленъ и Вы вслѣдствіе этого удручены, подавлены, потребуйте мою книгу: „ОЗОНЪ“ какъ естественный оздоровитель желудка. Вы найдете въ ней причины Вашихъ страданій и со- вѣтъ, какъ отъ нихъ избавиться. Я долго работалъ надъ этими вопросами и предлагаю свой трудъ страдающимъ для ознакомленія бесплатно. Сообщите мнѣ открыткой вашъ адресъ и я немедленно вышлю Вамъ свою книгу.
Д-ръ мед. Антонъ Мейеръ, хим. лаб. Спб. Екатерининскій кан. 29-22.

ПАПИРОСЫ
10 шт. 6 коп. **„ЯРЪ“**

Т-ва **„ЛАФЕРМЪ“**

Д-ра ШИНДЛЕРЪ-ВАРНАЙ
„Маріенбадскія Редукціонныя
Пилули“ противъ
ОЖИРѢНІЯ
и отличное слабительное сред-
ство. Настоящая упаковка въ
коробкахъ краснаго цвѣта съ
описаніемъ способа употребле-
нія. Продажа во всѣхъ аптекахъ
и аптекарскихъ магазинахъ.

ФОТО графіи артистическія
снятыя съ натуры для
художниковъ и любя-
телей прекраснаго. 5
красивыхъ снимковъ, форматъ для аль-
бома или стереоскопа и 48 образчиковъ
съ каталогомъ—3 р. кр. билетами.
Русскій каталогъ отдѣльно 40 к. почт. м.
Сортированныя коллекціи отъ 5 руб. и
выше Р. ЖЕННЕРТЪ, Порто, Порту-
галия, 228, Rua V. de S Cosme.

КНИГА АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО
„ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ“

РАСПРОДАНА,

за исключеніемъ небольшого ко-
личества оставшагося въ кіоскахъ
на ст. желѣзныхъ дорогъ

Готовится къ печати II изданіе.

Цѣна 1 руб.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
новая книга:

САША ЧЕРНЫЙ

„САТИРЫ“

Изданіе М. Г. Корнфельда.

Цѣна 1 рубль.

Продается во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ Петербурга и про-
винцій и на станціяхъ желѣзн.
дорогъ.—Выписывающіе изъ глав-
наго склада за пересылку не пла-
тятъ.—Выписывающіе наложен-
нымъ платежемъ, платятъ на
20 коп. дороже.

Главн. складъ изданія: Спб., Фон-
танка, 80 Контора журнала
„Сатириконъ“.

2/29/21
370

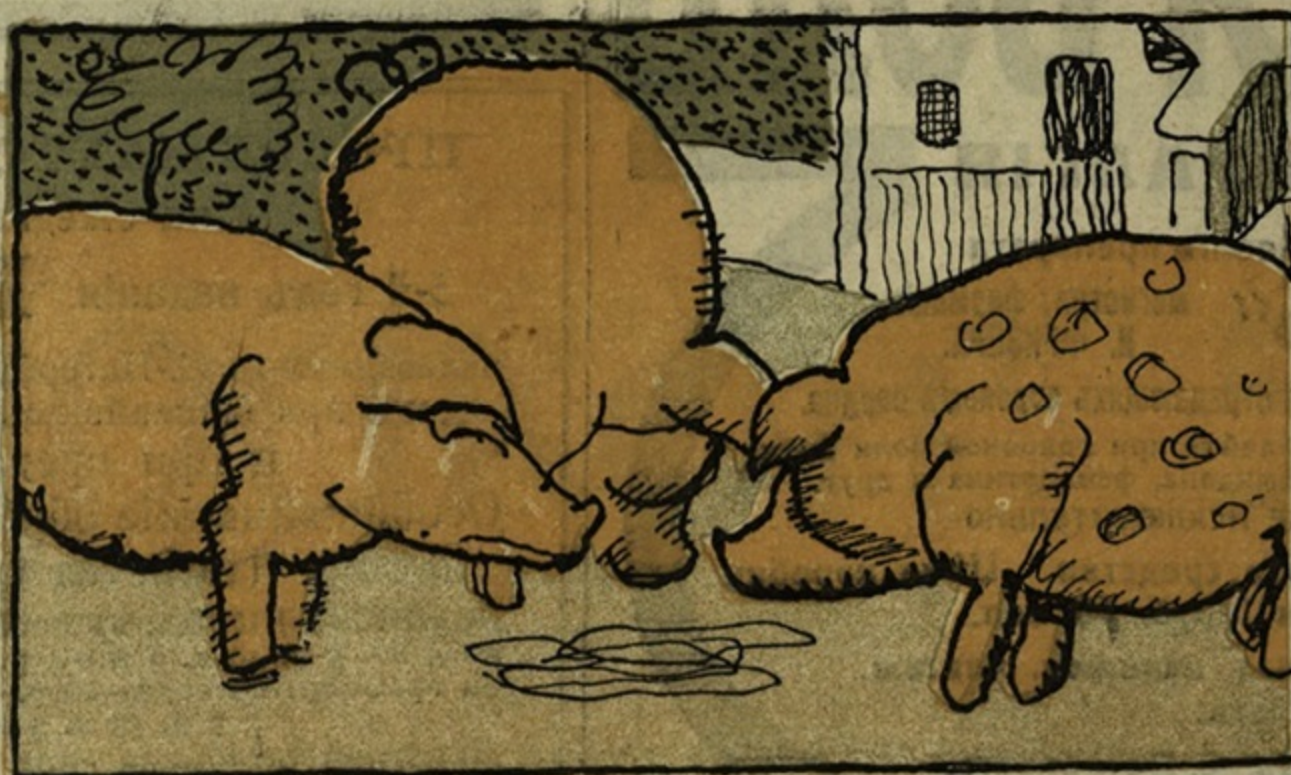
Портретъ трехъ очень бѣдныхъ женщинъ, купившихъ въ складчину одинъ парикъ.

Ла-Фоконье.—Поэтъ или новая модель качалки.

Машковъ.—Портретъ интенданта, желающаго дать работу сенатору Гарину.

Кругликова.—Жестокая художница, подложившая сразу трехъ свиней г. Издебскому.

Машковъ.—Очень грязная женщина, поставивъ себя подъ мышку трехъ громадныхъ пивокъ, изучаетъ ихъ нравы. Зачѣмъ?

Ванъ-Донгенъ.—Отдыхающая испанка или разговоръ со своей душой, ушедшей со страху въ пятки...

Роза Рюсъ — Портретъ Куприна въ ненастную погоду. Еще одна иллюстрація къ тексту: братья писатели! Въ вашей судьбѣ... и т. д.

Ла-Фоконье.—Пасхальный столъ.

Роза Рюсъ.—Портретъ г-жи Гриневской сто лѣтъ тому назадъ.

Ванъ-Донгенъ.—Глупая женщина, развившая себя низъ туловища въ ущербъ головѣ и лишившая себя, такимъ образомъ, возможности носить большія шляпки.

А.Р.